

УДК 159.9

ЛИЧНЫЕ ПРОЕКТЫ В АКТИВНОСТИ СУБЪЕКТА

А.Н. Кимберг

Аннотация

В статье обсуждается концепт личных проектов как способ описания и организации активности личности. Показаны связи личных проектов с субъектно-деятельностным подходом. Проанализирована структура формально-динамических параметров личных проектов.

Психология личности ощущает потребность в работе с регулятивными механизмами интегрального уровня, объясняющими долгосрочную целостную активность человека. Накоплен ряд данных о частных связях отдельных психологических черт и свойств с результативностью деятельности человека, однако достаточно сформировалось и понимание того, что множество отдельных связей не приближает нас к хорошему прогнозу поведения конкретного человека.

В последние два десятилетия в изучении личности стало вырисовываться новое направление, ориентированное на исследование и объяснение личностной активности, направленной на достижение поставленных субъектом целей. Целенаправленное действие является именно тем действием, которое создает и реализует жизненные планы личности, лежит в основе как больших общественных, так и частных индивидуальных проектов. Изучение поведения человека как ориентированного прежде всего на достижение цели исследовалось в западной психологии в работах Б. Литтла [1–3], Л.А. Первина [4], Н. Кантор [5], Р.А. Эммонс [6, 7].

Одним из теоретических результатов этих исследований стала перспективно развивающаяся социально-экологическая модель личности (Б. Литтл [2, 3]). Она ориентирована прежде всего на выделение особых конструктов, объединяющих в себе как интенционального, целенаправленного и действующего субъекта, так и те условия и процессы социального мира, в которых он действует. Этим она близка таким направлениям отечественной психологии, как психология человеческого бытия (В.В. Знаков [8, 9], З.И. Рябикина [10, 11]), психология состояний (А.О. Прохоров [12, 13]). Жизнь человека рассматривается как поток событий и ситуаций, которые осваивает, осмысливает, переживает и реализует субъект в социальном мире. При этом выделяются процессы, инициированные и направляемые субъектом, причем они отчетливо дифференцируются по масштабности и их значимости для жизни человека в целом. «...Деятельность, направленная на достижение конкретной цели в определенный момент времени, имеет для психологического анализа более частное зна-

чение, чем дело, которому человек служит и считает смыслом своей жизни», – пишет В.В. Знаков [9, с. 32–33].

Одним из путей анализа сложной целенаправленной активности человека выступает исследование психологических феноменов, опосредующих его практические отношения с миром. Это своего рода конструкты личностной (персональной) активности – обобщающее наименование для группы сходных психологических образований, выделяемых различными исследователями: актуальные проблемы, жизненные задачи (Н. Кантор [14]), персональные проекты (Б. Литтл [1, 2]), возможные селф (Х. Маркус [15, 16]), персональные стремления (Р.А. Эммонс [6, 7]).

Один из основоположников New Look, Джером Брунер, в своих последних работах четко обозначил необходимость перехода к исследованию наиболее сложных форм человеческого поведения – целенаправленной активности в социальном пространстве. Брунер пришел к выводу, что Я (или селф) человека распределено между различными видами активности – между нашими осмысленными и произвольными действиями и личностными предприятиями. Тогда понятно, что мы можем узнать наиболее существенное о личности человека, обращаясь к тем задачам и тем обязательствам, которые он берет на себя, а также по тем проектам и отношениям, которые конституируют его повседневный социальный мир. Тогда мы получаем представление о наиболее реальном модусе Я – именно Я, действующем в социальном мире. «Это действующее селф (self in use), это «смысл, реализуемый в практиках». Это селф, распространяющее себя в действиях, в проектах, в практике. Вы обращаетесь куда-то, чтобы сделать что-то, имея в уме определенную цель, нечто, что вы не могли бы сделать где-то еще, оставаясь той же личностью» (Брунер [17, р. 117]).

В целом получается, что конструкты личностной активности оказываются особым и значимым источником влияния на переживание индивидом субъективного благополучия наряду со стабильными дифференциально-психологическими чертами личности или характеристиками среды. Одним из эвристичных для объяснения и конструктивных для оптимизации поведения способов организации активности личности может выступать личный проект человека. Сам концепт личного (в западной традиции – персонального) проекта фиксирует факт длящихся интенциональных действий субъекта, варьирующих от повторяющихся рутинных дел повседневности до принципиальных жизненных решений и масштабных обязательств человека по отношению к принятым им целям. Личный проект хорошо вписывается как одна из интегрирующих и одновременно дифференцирующих активность субъекта функциональных структур в систему «ситуация – смысл – состояние», организующую эффективное функционирование субъекта в социальном мире (Прохоров [12]).

Собственно говоря, личные проекты и оказываются той системой, которая придает личностный смысл как текущей ситуации деятельности человека, так и востребованным ею его индивидуально-психологическим характеристикам. И то, и другое становится элементами новой системы, выстроенной под жизненный проект человека, поскольку, когда мы слышим вопрос о смысле того или иного события или поступка, мы обязаны в методологии психологии чело-

веческого бытия задать встречный вопрос на уточнение: «Смысл для чего?» или, точнее: «Смысл в системе какого жизненного проекта или дела личности?»

Они также варьируют от совершенно частных дел, касающихся личной жизни или даже внутреннего мира индивида, до процессов, затрагивающих интересы многих людей, или задач, решение которых может оказать существенное влияние на развитие человечества. Таковы, например, персональные проекты политиков или исследователей, работающих в науке.

Концепт персональных проектов сближается с концептом жизненных задач в понимании Н. Кантор [5]. Однако жизненные задачи могут быть более нормативны, чем личностные проекты, и они гораздо больше связаны с социальной ситуацией (в некотором смысле, более экологичны, то есть соотносены со средой и уже самой постановкой проблемы вписаны в эту среду). Задача всегда ставится перед субъектом в определенных условиях, являющихся ее составной частью, поэтому задача уже несет в себе значимые характеристики социальной среды. Решение жизненной задачи всегда видимо и отчетливо фиксируется социальным окружением.

Поэтому можно говорить о нормативности многих жизненных задач, их связи с возрастными периодами или этапами социального развития человека. Мы считаем нормальным, когда молодой человек (юноша или девушка) женится или выходит замуж в определенном возрасте, и немного удивляемся, когда этого не происходит в некоторые сроки.

Точно так же мы ожидаем, что аспирант, обучающийся в очной аспирантуре, к концу третьего года своего пребывания на кафедре представит на обсуждение коллег результаты своего диссертационного исследования, но не слишком удивляемся, если это не происходит в срок (по сложившейся статистике, в срок защищаются около трети аспирантов). Тем не менее, если период от начала работы над кандидатской диссертацией до текущего момента, когда у нас возник интерес к делам коллеги, превышает пять лет, создается ощущение, что что-то здесь не в порядке. Иными словами, жизненная задача данного человека решается с отставанием от «графика». Факт нормативного давления является существенным мотивом или условием, стимулирующим, с одной стороны, продуктивность аспирантов, а с другой – становящимся причиной многочисленных скрытых от внешнего мира неврозоз типа «академического писчего спазма».

Личные проекты локализованы в социальном мире и формулируются в терминах его описания. Поэтому одной из характеристик личных проектов выступает их успешность. Мы определяем успешность как достижение субъектом в нормативные сроки некоторого статуса или социальной позиции, маркированной в социуме как желательной или необходимой для соответствия одной из моделей жизненного пути, входящих в перечень ценностей данного общества. Соблюдение нормативных сроков (или их опережение) очень важно, поскольку то, что считается успешным или успехом для одного возраста или продолжительности этапа, не будет являться таковым для другого.

Неуспешность же более продуктивно рассматривать не как личностную характеристику, а как невыполнение базового плана развития, причины которого могут иметь самый разнообразный характер. При этом подходе мотива-

ция, развитие индивида и эффективность изменений становятся факторами успешности и предметом социального конструирования.

В качестве нормативной модели для нас выступает образ компетентного человека, который взаимодействует с действительностью эффективно и ответственно. В этом смысле позиция неуспешности уже не имеет больше отличительного признака «ущербности» (индивидуальной или социальной), а имеет смысл ограничения актуальных возможностей субъекта, которое может быть преодолено в направлении открытия для него в текущей ситуации новых возможностей. Они не рассматривались субъектом ранее, поскольку считались им по тем или иным причинам недостижимыми.

Успешность же может быть сведена к реализованной субъектом адекватной прикладной модели позитивного действия. Проблема успешности как таковая может быть переформулирована как задача усиления и оформления позитивного потенциала человека. В инструкционистской психологии ряда западных авторов этот процесс описывается под термином *self-empowerment* («селф-эмпвауэрмент»). Результатом такого процесса является переход субъекта от условий (субъективных и объективных), при которых он имел одну единственную возможность действия, к условиям, при которых возможностей для выбора становится больше.

Этот подход близок предложенному Альбертом Бандурой [18] концепту «самоэффективности» (*self-efficacy*), которая выражается в способности субъекта воспринимать себя эффективным агентом действий с положительным исходом. Самоэффективность схватывает важный аспект отношения субъекта к жизни, она определяется в целом как вера человека в собственную способность контролировать события, происходящие в его жизни (как применительно к конкретной задаче, так и по отношению к жизни в целом). Бандура выделяет четыре аспекта, посредством которых представления об эффективности определяют поведение человека. Во-первых, это выбор цели: человек берется за дела, которые, как он считает, ему по силам, и избегает дел, с которыми, с его точки зрения, ему не совладать. Во-вторых, вера в достижение успеха в деятельности мотивирует усердие и настойчивость в достижении цели, включая преодоление возможных трудностей. В-третьих, вера в собственную успешность обеспечивает оптимальные психологические состояния субъекта в ходе деятельности и является хорошей страховкой от неуверенности и депрессии при временных неудачах. В-четвертых, чувство самоэффективности облегчает решение сложных когнитивных (особенно творческих) задач, снимая наиболее разрушительное для деятельности препятствие – психологическое самоблокирование «Я не смогу». Следует отметить, что самоэффективность представляет собой целостное состояние личности, имеющее как когнитивную, так и мотивационную природу и поддерживаемое рядом специфических поведенческих действий.

Эта способность позволяет субъекту легко и конструктивно представлять спектр возможностей относительно последствий своих действий и, следовательно, получать достаточно мощные основания для активной мотивации действия. Во всяком случае, он избегает тупикового состояния пассивности, которое может быть интерпретировано и как недостаточность мотивации, и как от-

сутствие образа положительного и успешного решения. Субъект реально не переживает себя как способного решить встающие перед ним задачи, поэтому его действия, которые вынужденно направлены на встречу с проблемой, имеют либо обреченный на поражение и потому ослабленный характер, либо заменяются попытками найти легально оправданную и рационализируемую возможность уклониться от встречи с ней. Рационализации могут быть самыми разными: от проблем со здоровьем до совершенно неотложных дел, которые должны быть предприняты им в других областях (семья, работа, межличностные отношения), от констатации незаконченности и несовершенства текущих результатов, что не позволяет им быть представленными на обозрение, до снижения ценности формальных процедур оценки и признания выполненной работы.

В этой связи нужно отметить, что данная проблема не затрагивает непосредственно отношений между субъектом и стоящей перед ним задачей, а касается отношений между субъектом, его самоидентичностью (селф) и переживаемым им опытом отношений селф с данной областью деятельности. Речь идет, таким образом, об отношении к отношению.

Рассмотрим базовые предпосылки для анализа персональных проектов. Поскольку психология все более приобретает ценностный характер, следует определиться в базовых посылах изначально. «Современное постнеклассическое понимание человеческого бытия характеризуется ростом рефлексии ценностных и смысловых аспектов мира человека. <...> Мир оказывается таким, каким его видит субъект, какие методы познания он применяет, какие вопросы ставит», – пишет В.В. Знаков [19, с. 18]. Мы полагаем, что люди обладают способностью влиять на собственную судьбу, они способны предвидеть будущее и строить свою активность так, чтобы добиваться как личных, так и общественных целей, развивая в этом процессе как свой опыт, так и личностный потенциал. Многочисленные примеры отклонений реальности от этого утверждения не отменяют его истинности для жизни в целом как ведущей тенденции. Возможно, благодаря работе теоретиков и практиков психологии тенденция к разумности, полноценности и контролю личности за социальной жизнью станет еще сильнее.

Итак, во-первых, исследователь доверяет ответам испытуемого на прямые вопросы о содержании его личностных проектов и том, как он оценивает различные их аспекты [2]. Мы использовали этот подход при исследовании жизненных планов аспирантов, оценке ими степени удовлетворенности различными аспектами обучения в аспирантуре, интервьюировании о трудностях при работе над диссертацией [9] и также пришли к выводу о том, что получаем осмысленные и ответственные ответы. При прямой и убедительной просьбе к респонденту мы можем увеличить вероятность того, что ответы будут лично значимы и отразят существенные аспекты реальности сегодняшней ситуации человека.

Во-вторых, мы учитываем и пытаемся выяснить в ходе работы с испытуемым то, как персональные проекты субъекта в их совокупности связаны между собой. Стабильные черты личности, ее возможности и компетенции, ресурсы субъекта, факторы и условия ситуации могут рассматриваться как элементы, входящие в различные проекты. Персональный проект есть система, задающая

субординацию входящих в нее элементов, но одновременно он сам может быть частью системы (проекта) более высокого уровня.

И, наконец, система персональных проектов субъекта развивается и трансформируется в процессе его жизни. Конфигурации вкладов в проекты меняются, ресурсы перераспределяются, появляются новые темы, а длящиеся проекты переходят в фазу прекращения или завершения. Однако принципиальные решения и характеристики, по которым можно оценить и описать проект, остаются инвариантными.

Изучая количество и содержание персональных проектов, а также отношения отдельных проектов между собой, мы получим более надежные основания для прогнозирования успешности определенной деятельности субъекта, чем если бы мы выявляли характеристики его личностных черт либо анализировали социальную ситуацию. Меры по изменению ситуации не могут привести к желаемым результатам, если они не учитывают в качестве базового компонента типы личных (жизненных) проектов своей целевой группы.

Исследователями выделяется ряд значимых факторов, которые принимаются сегодня как достаточные для описания большей части персональных проектов, по крайней мере, с формально-динамической стороны. Они могут быть обобщены в таких терминах, как личностный смысл, структурированность и управляемость, социальная референтность, результативность и стрессогенность.

Личностный смысл проекта схватывает переживание его субъектом как неотъемлемой части его интенции. Смысловое измерение проекта отвечает на вопрос, насколько субъективно ценным является для индивида то дело или занятие, в которое он включен. Например, оценочные параметры личных проектов включают такие индикаторы, как подтверждение респондентами того, насколько важными, радующими их и конгруэнтными их ценностям эти проекты являются и насколько они позволяют реализоваться чувству личностной идентичности [2].

Личностный смысл проекта охватывает такие параметры, как приписываемая проекту значимость, чувство удовлетворения и душевного подъема от деятельности, соответствие проекта личностным ценностям субъекта.

Наличие смысла в личном проекте является необходимым, но, видимо, не достаточным условием субъективного благополучия человека. Проект может быть носителем смысла, но обнаруживать недостаточно связности и последовательности и не позволять его носителю переживать чувство субъективного благополучия. Поэтому необходимо исследовать ряд аспектов, относящихся к структурной стороне проекта, в частности, выяснить, в какой степени индивид выступил как инициатор данного проекта, насколько он чувствует себя способным контролировать его развитие и достаточно ли у него времени, чтобы заниматься названным проектом.

Есть эмпирические подтверждения того, что если индивид воспринимает себя как контролирующего свои жизненные проекты, то он достоверно обнаруживает высокие показатели субъективного благополучия и физического здоровья [2].

Мы фиксируем уровень контроля субъекта за проектом через его оценку структурированности и управляемости проекта. Она отсылает нас к тому, на-

сколько проект проработан субъектом и доступен его управлению и контролю. Этот аспект операционализирован в таких измерениях, как степень, в которой проект порожден инициативой самого субъекта; уровень контроля субъекта за ходом проекта; достаточность времени и объема внимания, уделяемого субъектом осуществлению этого проекта.

Социальная рефрентность проекта оценивает его место и роль в ближайшем социальном окружении субъекта, в том числе и видимость (проявленность) проекта для общества, а также характеристику социальной ценности проекта и ожидаемой его поддержки значимыми Другими. Речь идет фактически о микросоциальной экологичности данного личного проекта, то есть о том, какие изменения в жизнь других людей он вносит и каков характер этих изменений. Для личных проектов и жизненных задач субъекта, нуждающихся в поддержке, важным становится то, чтобы они были известны в обществе и оценивались как способствующие общему делу.

Одной из наиболее важных сторон субъективного благополучия личности является та степень восприятия и оценки людьми проектов как удачно развивающихся и эффективных. Существенным компонентом удовлетворенности жизнью является мера ощущения человеком того, что его личные проекты прогрессируют. Личный проект должен выводить на результат, потому что даже если человек имеет насыщенный смыслом, поддерживаемый значимой для него социальной общностью и хорошо структурированный проект, но в случае оттягивания или постановки под вопрос его реализации переживание субъективного благополучия исчезает. Результативность проекта суммирует оценку текущей успешности его выполнения и ожидаемые от осуществления проекта результаты.

Стрессогенность проекта как интегративный показатель его психологической затратности для субъекта включает в себя оценку переживаемого субъектом стресса, встреченных им трудностей и, в целом, величину воспринимаемого им «вызова» со стороны проекта. Стресс оказывается уверенным предиктором снижения субъективного благополучия. Если респондент отчитывается исследователю о стрессе, связанном с каким-либо личным проектом, то применение традиционных средств диагностики состояний с большой вероятностью показывает такую личностную черту, как невротизм, и обычно дает высокие значения по показателям депрессии и тревожности [20].

Вместе с тем в западных традициях исследования конструкторов личностной активности как регулятивных личностных систем среднего уровня недостаточно используется представление о человеке как субъекте своей жизни. В отечественной психологии этот комплекс идей известен как субъектно-деятельностный подход, а та его ветвь, которая ближе к нашим взглядам, – как психология человеческого бытия.

Субъектность человека должна рассматриваться как еще один интегративный параметр состоятельности его жизни, не совпадающий по содержанию с субъективным благополучием, хотя и тесно связанный с ним. Субъектность имеет глубокую связь с идентичностью личности [21], хотя оба эти конструкта представляют собой разные модусы восприятия человеком своего бытия в мире. Субъектность может быть определена как модус бытия человека, в котором он

способен интенционально преобразовывать мир, как актуализируя свои представления о должном, так и становясь причастным трансцендентным ему процессам развития человечества.

В ряде работ отечественных исследователей были выделены основные параметры субъектности (В.В. Знаков [8, 9], З.И. Рябикина [10, 11], Е.А. Сергиенко [22, 23], А.Н. Кимберг [24–26]). По результатам теоретического анализа публикаций названных авторов в качестве параметров субъектности можно рассматривать следующие конструкты.

Интенциональность – инициатива в порождении проекта, опредмечивающая стремление или интерес субъекта к изменению мира. Формулировка утверждения опросника: хочу влиять на процессы, протекающие в поле раскрывающейся мне ситуации.

Рефлексивность – способность конфронтировать как селф с собственными побуждениями и интересами, поднимая их на уровень осознанного анализа и понимания себя. Рефлексивность не требует включения в структуру интервью или опросника специального вопроса о самой себе, она схватывается наличием осмысленных ответов респондента на вопросы по остальным позициям.

Знание – наличие активной и используемой в действии модели мира, позволяющей на различных уровнях осознания строить необходимые для действия проекты и планы активности. Этому аспекту соответствуют два параметра, характеризующих разные аспекты действенного знания: наличие собственно знания (модели системы): знаю, каковы механизмы процессов в этой области (знаю, как...); наличие информации о текущем состоянии системы: знаю текущее состояние системы (понимаю, что происходит).

Ответственность и фактическая включенность – знание о возможных последствиях своих действиях, понимание причинной связи между ними и будущей ситуацией, готовность действовать в данных субъекту и осознанных им условиях, принятие этого положения дел. Этот аспект представлен через осознание факта личного влияния на процесс: фактически влияю на протекающие процессы.

Ресурсность – способность действовать и изменять мир в данных социальных условиях, опираясь на доступ к управлению преобразующими силами различного происхождения. Но ресурсность – это потенция, которая только может стать действительностью, поэтому она операционализируется через утверждение: имею возможность влиять на протекающие процессы.

Коммуникативность – принятие существования Других как субъектов с собственным кругом интересов и автономной интенциональностью и готовность к обсуждению интересов друг друга и кооперации, а также симметричное принятие Другими субъектности индивида через признание за ним способности влиять на процессы в данном поле. Операционализируется в суждениях: другие признают мое влияние в этой области, то есть я дан в их поле восприятия как интенциональный и ресурсный субъект и являюсь подтвержденным участником переговорного процесса.

Интенциональность, ресурсность и включенность/ответственность сходятся в один блок, поскольку триада «хочу, могу, делаю» объединена последовательностью развертывания в один жизненный акт. Заявленные выше аспекты субъек-

ектности выступают и как ее критерии, и как параметры измерения: заинтересован в данном социальном поле и инициированном в нем процессе, представляю себе процесс (имею его эффективную модель), информирован о процессе, фактически влияю на процесс, имею определенную ресурсность для влияния, воспринимаюсь в аспекте влияния окружающими.

Третий, и весьма существенный, интегративный показатель, появляющийся в данной модели, – это представление или переживание субъекта, которое маркируется как оценка его жизненного благополучия, то чувство полноты и «правильности» жизни, которое, в конечном счете, служит единственным субъективным ее оправданием. Он включает в себя результирующие показатели удовлетворенности жизнью, охватывающие субъективное благополучие, переживание счастья, ментальное и физическое здоровье, адекватные жизненной среде компетенции и удовлетворенность пребыванием в данном социальном поле, адаптивность, чувство смысла и целостности жизни.

О взаимодействии содержательных и структурно-динамических характеристик персональных проектов, степени субъектности и уровня субъективного благополучия пока имеется не так много данных. Одной из интересных работ в этой проблематике является исследование Б. Литтла и его сотрудников (см. [27]). В нем была установлена связь между операциональными показателями субъективного благополучия (уровень удовлетворенности жизнью и обратный ему показатель – уровень депрессии) и некоторыми характеристиками жизненных проектов. Роль в субъективном благополучии таких параметров, как ориентированность на экспрессивное выражение актуального селф или же устремленность к будущим (возможным) селф [15, 16], оказалась опосредована возрастом респондентом.

Было установлено, что для более старших респондентов жизненная удовлетворенность имеет тенденцию расти вместе с селф-экспрессивными аспектами их персональных проектов (то есть выходящими непосредственно на текущую идентичность). Для более молодой группы респондентов оказывается верным обратное: их чувство жизненного благополучия усиливается в той мере, в какой их персональные проекты способствуют достижению ими желаемых возможных селф (отнесенных, разумеется, в обозримое респондентом будущее), но не в той мере, в какой они переживают себя в их текущих достижениях. То есть для них экстенсивная (продленная в будущее) оценка селф оказывается более значимым фактором переживания жизненного благополучия. В известном смысле можно сказать, что для этой группы респондентов их чувство жизненного благополучия опирается на перспективы их будущего и сохранение субъективной высокой вероятности их реализации.

Наш опыт применения подхода, основанного на модели личностных проектов, показывает целесообразность развития этого метода прежде всего при описании отдельных социальных групп или же конкретных индивидуальных случаев. В частности, при исследовании успешности вхождения в научное поле аспирантов [20] было установлено, что личные проекты в определенные моменты времени структурировали всю активность субъекта, организовывали его ресурсы и переконфигурировали значимость его личностных качеств.

Так, модель нормативно успешного аспиранта включила в себя такие мотивационные, социально-психологические и ситуационные характеристики, как формально-статусная мотивация работы над диссертацией; высокий навык самоорганизации, включая способность переходить в состояние мобилизации; наличие горизонтальной сети отношений поддержки с аспирантами сходного научного поля; пребывание в научном коллективе с развитыми формальными традициями процесса экспертизы и инициации; доверие близких людей (родительской семьи); ситуативное давление конкурирующих из-за ресурсов деятельности, требующих самоопределения и принятия обязательств.

Для формально неуспешного (защитившего диссертацию за пределами нормативного срока) аспиранта прогностическая модель включила познавательно-творческую мотивацию исследовательской деятельности; высокую ценность самоактуализации и личностной вовлеченности; пассивность или соперничество в общении с коллегами; нахождение в научном микросоциуме с конкурентными доминирующим в данный момент взглядами (научный или культурный андерграунд); научного руководителя, ориентированного на самостоятельную работу аспиранта или не имеющего выраженных научных пристрастий; наличие относительно благоприятной бытовой ситуации; возможность реализации иных значимых для личностного развития активностей.

Представляется, что обращение к концепту личных проектов позволит дополнить представления о формах организации активности субъекта в социальном мире указанием на хорошо операционализируемый, доступный наблюдению и оптимизации, как со стороны внешнего наблюдателя или наставника, так и со стороны самой личности, психологический механизм преобразования человеком мира и себя в мире.

Summary

A.N. Kimberg. Personal Projects in Subject Activity.

Concepts of personal projects as way of describing and understanding of person are discussed. The links of personal projects approach with subject-activity theory have been shown. The structure of formal-dynamic parameters of personal projects has been analyzed.

Литература

1. *Little B.R.* Personal projects: A rationale and method for investigations // *Environment and Behavior*. – 1983. – V. 15, No 3. – P. 237–309.
2. *Little B.R.* Personal projects analysis: Trivial pursuits, magnificent obsessions, and the search for coherence // *Buss D.M, Cantor N. (eds.) Personality psychology: Resent trends and emerging directions*. – N. Y.: Springer-Verlag, 1989. – P. 15–31.
3. *Little B.R., Lessi L., Watkinson B.* Personality and personal projects: Linking Big Five and PAC units of analysis // *Journal of Personality*. – 1992. – No 60. – P. 501–525.
4. *Pervin L.A.* Goal concepts in personality and social psychology: A historical introduction // *Pervin L.A. (ed.) Goal concepts in personality and social psychology*. – Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1989. – P. 1–17.
5. *Cantor N.* From thought to behavior: “Having” and “doing” in the study of personality and cognition // *Am. Psychol.* – 1990. – V 45, No 6. – P. 735–750.

6. *Emmons R.A.* Personal strivings: An approach to personality and subjective well-being // *J. Personal. Soc. Psychol.* – 1986. – No 51. – P. 1058–1068.
7. *Emmons R.* Abstract versus concrete goals: Personal goals and subjective well-being // *J. Personal. Soc. Psychol.* – 1992. – No 62. – P. 292–300.
8. *Знаков В.В.* Психология субъекта как методология понимания человеческого бытия // *Психол. журн.* – 2003. – Т. 24, № 2. – С. 95–106.
9. *Знаков В.В.* Психология субъекта и психология человеческого бытия // *Субъект, личность и психология человеческого бытия* // Под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. – М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2005. – С. 9–44.
10. *Рябкина З.И.* Личность и ее бытие в быстро меняющемся мире // *Личность и бытие: Теория и методология. Материалы Всерос. науч.-практ. конф.* / Под ред. З.И. Рябикиной, В.В. Знакова. – Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2003. – С. 5–26.
11. *Рябкина З.И.* Личность как субъект формирования бытийных пространств // *Субъект, личность и психология человеческого бытия* / Под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. – М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2005. – С. 45–57.
12. *Прохоров А.О.* Смысловые основания психических состояний // *Методологические проблемы современной психологии: иллюзии и реальность. Материалы Сибирского психол. форума. 16–18 сент. 2004 г.* – Томск: Томск. гос. ун-т, 2004. – С. 610–613.
13. *Прохоров А.О.* Саморегуляция психических состояний: феноменология, механизмы, закономерности. – М.: ПЕР СЕ, 2005. – 352 с.
14. *Cantor N., Norem J.K., Niedenthal P.M., Langston C.A., Brower A.M.* Life tasks, self-concept ideas, and cognitive strategies in a life transition // *J. Personal. Soc. Psychol.* – 1987. – No 53. – P. 1178–1191.
15. *Markus H., Wurf E.* The dynamic Self-concept: social psychological perspective // *Ann. Rev. Psychol.* – 1987 – No 38. – P. 299–337.
16. *Fryberg S., Markus H.* On Being American Indian: Current and Possible Selves // *Self and Identity.* – 2003. – No 2. – P. 325–344.
17. *Brunner J.* *Acts of Meaning.* – Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1990. – 208 p.
18. *Bandura A.* *Self-efficacy: The exercise of control.* – N. Y.: W.H. Freeman and Company, 1997. – 604 p.
19. *Знаков В.В.* Самопонимание субъекта как когнитивная и экзистенциальная проблема // *Психол. журн.* – 2005. – Т. 26, № 1. – С. 18–28.
20. *Кимберг А.Н.* «Личные проекты» в профессиональной социализации молодых ученых // *Проблемы социальной психологии личности: Межвуз. сб. науч. тр.* – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2007. – Вып. 5. – С. 230–239.
21. *Lessi L., Karoly P., Briggs C., Kuhn K.* Specificity and generality of motivational components in depression; a personal projects analyses // *J. Abnormal Psychol.* – 1994. – V. 103, No 2. – P. 404–408.
22. *Сергиенко Е.А.* Модель психического как ментальный механизм становления субъектности // *Субъект, личность и психология человеческого бытия* / Под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. – М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2005. – С. 113–145.
23. *Сергиенко Е.А.* Ранние этапы развития субъекта // *Психология индивидуального и группового субъекта* / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой. – М.: ПЕР СЕ. 2002. – С. 270–310.
24. *Кимберг А.Н.* Проблема идентичности и субъектный подход // *Психология личности и ее бытия: теория, исследования, практика* / Под ред. З.И. Рябикиной, А.Н. Кимберга, С.Д. Некрасова. – Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2005. – С. 47–76.

25. *Кимберг А.Н., Налетова А.С.* Концепции индивидуального и коллективного субъекта в социальной психологии // Человек, сообщество, управление. – 2006. – № 3. – С. 17–24.
26. *Кимберг А.Н.* Субъект как инструмент социальных исследований // Субъектность в личностном и профессиональном развитии человека: Материалы 2-й Всерос. науч.-практ. конф. / Под общ. ред. Г.В. Мухаметзяновой. – Казань: КСЮИ, 2005. – С. 103–107.
27. *Halonen J., Davis S.F.* (eds.) The Many Faces of Psychological Research in the 21st Century [Электронный ресурс]. – 2001. – Режим доступа: <http://teachpsych.org/resources/e-books/faces/text/index.htm>.

Поступила в редакцию
26.12.07

Кимберг Александр Николаевич – кандидат психологических наук, заведующий кафедрой социальной психологии и социологии управления Кубанского государственного университета, г. Краснодар, докторант кафедры общей психологии Казанского государственного университета.

E-mail: akimberg@gmail.com